

ИМПЕРИЯ СОБОЛЕВЫХ

Книга 1

Вера Вольф

СВОДНЫЙ

Токсичная любовь

18+

Империя Соболевых

Вера Вольф

Сводный. Токсичная любовь

«Автор»

2026

Вольф В.

Сводный. Токсичная любовь / В. Вольф — «Автор»,
2026 — (Империя Соболевых)

Меня зовут Майя. Теперь я живу в особняке миллиардера, а Денис Соболев - мой новый сводный брат. Днём он холоден и даёт понять: я здесь никто. Ночью его ненависть превращается в страсть, которая сжигает нас обоих. Я знала: это ошибка. Но один вечер, одна ложь - и меня выставляют за дверь. С разбитым сердцем и секретом, который изменит всё. Я уехала, чтобы забыть. Но прошлое не отпускает. Когда мы встречаемся снова, правила меняются. Он всё ещё наследник, который должен меня ненавидеть. Я всё ещё та, кому нельзя доверять. Но тайна выходит наружу, и теперь выбор только один: уничтожить друг друга или рискнуть всем ради шанса на счастье. Тропы: Сводные брат и сестра Dark Romance От ненависти до любви Секрет Второй шанс

© Вольф В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Территория зверя	5
Глава 2. Ужин с дьяволом	9
Глава 3. Золотая клетка университета	15
Глава 4. Фальшивый поцелуй	21
Глава 5. Свита короля	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сводный. Токсичная любовь

Глава 1. Территория зверя

Я всегда думала, что ад - горячий. Ошибка. Ад оказался ледяным, и находился он на Рублевке, за высокими коваными воротами, которые разошлись перед нами с тяжелым стоном.

Это не просто металл скользил по рельсам - захлопывались челюсти хищника, проглотившего нас с мамой целиком. Я прижала к груди старенький рюкзак с наспех пришитой лямкой. Ладони вспотели, и я вытерла их о джинсы.

Мама стояла рядом и буквально светилась. Она в сотый раз поправляла безупречный локон, выбившийся из-под новой дорогой шляпки - подарка Виктора. Жест был таким родным и одновременно чужим. Раньше она поправляла волосы перед выходом в парк, уставшая после смены. Теперь в этом жесте сквозила нервная надежда.

Она смотрела на возвышающийся впереди замок из мрамора и тонированного стекла так, будто это вход в рай. Для нее это была сказка о Золушке, наконец нашедшей своего принца в лице строительного магната. Она не замечала холода, исходящего от стен, - видела только блеск.

Для меня этот дом выглядел золотой клеткой. Клеткой, в которой нам - двум провинциалам с чемоданами из дешевого коджама - не было места.

Я опустила взгляд на свои старые кеды. На левом носке чернело трудно выводимое пятно - прошлой зимой наступила в лужу с реагентами. На фоне идеально вычищенной гранитной аллеи эти кеды кричали о том, откуда мы пришли. Позорное клеймо, которое невозможно скрыть.

Здесь все пахло запредельными деньгами. Не просто запах - частота вибрации. Абсолютная власть, дорогой табак, который не курят, а коллекционируют, и пугающее совершенство, которое нельзя купить за одну зарплату, но можно навязать окружающим.

- Майя, ну улыбнись, - прошептала мама, сжимая мою руку так сильно, что кольцо с бриллиантом впилось в кожу. - Начинается новая жизнь. Мы дома, милая. Мы больше никогда не вернемся назад.

В ее голосе было столько отчаянной мольбы, что у меня защемило сердце. Она умоляла не разрушать ее хрустальную мечту. Я промолчала. Только привычно закусила нижнюю губу до крови. Металлический привкус - мой вечный спутник в минуты бессилия.

Назад - это наша крошечная двушка в промышленном городе, где каждую весну протекал потолок, и мы с мамой бегали с тазами, смеясь сквозь слезы. Назад - это подъезд, пропахший сыростью и дешевым табаком. Назад - это мама на двух работах: днем медсестра в поликлинике, вечером - на телефоне доверия, с серым лицом и ватными ногами. А я по ночам мыла полы в круглосуточной аптеке, чтобы накопить на репетиторов.

Там пахло хлоркой, старыми бинтами и безнадеей. Но там пахло жизнью. Здесь же воздух был разреженным и стерильным, пропитанным ароматом дорогого ландшафтного дизайнера - хвоей, влажной землей, химикатами для газонов. Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить родной запах ванили и маминых пирогов по выходным, но этот рублевский воздух вытеснял все живое, заполняя легкие ледяной ватой.

Мы двинулись по аллее. Мои кеды противно скрипели по граниту. Каждый шаг отдавался эхом в голове, и казалось, охрана у входа слышит этот скрип и скалится вслед. Я чувствовала себя товаром, который мама привезла в придачу к своей увядающей красоте и готовности угождать новому «хозяину». Мы были чужими. Это читалось в холодном блеске панорамных окон, отражающих наше жалкое шествие, и в напряженном молчании фигур у массивной дубовой двери.

- Денис - мальчик непростой, - тихо выдохнула мама, не глядя на меня. - Но Виктор говорит, у него просто сложный период. После смерти матери замкнулся. Будь с ним покладистой, Майя. Пожалуйста. Нам очень нужно, чтобы все получилось.

«Покладистой». Она просила быть покладистой с парнем, чей отец купил мою мать, а меня терпит как неизбежное зло. Я хотела закричать, что не хочу, чтобы у нас с ним «получалось», что хочу домой, но комок в горле был размером с теннисный мяч.

Я не успела. Тишину элитного поселка разорвал яростный рев мотора. Не просто звук - удар тока, вибрация, прошедшая сквозь землю и взорвавшаяся в затылке, заставив внутренности сжаться в болезненный узел.

Я вздрогнула, едва не выронив рюкзак. Из-за поворота, ведущего к гаражному комплексу, вылетел угольно-черный мотоцикл. Низкий, хищный, с горящими фарами даже днем. Он несся прямо на нас, не сбавляя скорости. Гравий летел из-под колес, как шрапнель.

Мама вскрикнула и отпрянула, едва не рухнув на газон. Я же застыла, приросшая к граниту. Мои ноги онемели, отказываясь слушаться. Мыслей не было - только первобытный ужас.

Мотоцикл затормозил резко, со свистом, в сантиметре от моих коленей. Меня обдало жаром раскаленного металла и тяжелым запахом жженой резины. Облако пыли оседало на мои джинсы, на позорные кеды, на мамину новую шляпку.

Пилот в черном кожаном экипе замер, не слезая. В черном визоре шлема я видела только себя - бледную, испуганную девчонку с расширенными глазами.

Наконец он заглушил мотор. Тишина стала еще более зловещей. Он медленно снял шлем, темные волосы рассыпались по лбу.

Это был Денис Соболев.

Я видела его лицо на снимках, которые мама с благоговением показывала в телефоне Виктора. Но реальность оказалась сокрушительней. Фотографии не передавали и сотой доли того, что исходило от него вживую.

Высокий, широкоплечий, пугающе красив той порочной красотой, которая не сулит ничего, кроме разрушения. Резкие черты, словно высеченные из холодного мрамора: жесткая линия челюсти, тонкие губы, сжатые в презрительную усмешку. Но самым страшным были глаза. Светло-серые, почти прозрачные, они смотрели на меня с ледяным, пронизывающим презрением. Это был ледяной прищур, который сканировал, раздевал, оценивал и тут же приговаривал.

Денис спрыгнул с байка одним текучим движением. В нем не было суеты - только опасная грация зверя, вышедшего на охоту. Мама обрела дар речи, шагнула вперед, натянув самую добрую улыбку:

- Здравствуй, Денис! Я Ирина, мы с тобой...

Он даже не повернул головы. Слово она была пустым местом, насекомым, не заслуживающим взгляда. Его внимание полностью поглотила я. Он шел, сокращая расстояние, и с каждым шагом воздух между нами становился все плотнее и холоднее. Как хищник, выбравший жертву и наслаждающийся ее страхом.

Когда он остановился вплотную, я перестала дышать. Между нами не больше двадцати сантиметров. Жар его разгоряченного тела и одновременно мелкая дрожь, бьющая меня. По коже побежали болезненные мурашки. Каждый волосок на руках встал дыбом.

И тогда я почувствовала его запах. Он накрыл волной, сбивая с ног: густой, дурманящий аромат морозного кедра и черного перца. Холод северного леса и обжигающая острота пряности. Он проникал в легкие, оседал на языке, смешивался с моим страхом и моей слабой ванилью. Мой запах, всегда успокаивавший меня, был просто раздавлен, стерт в пыль его тяжелой аурой. Я чувствовала себя маленькой, беззащитной.

Денис медленно, с нескрываемым отвращением окинул меня взглядом. Смаковал. Его глаза скользнули по спутанным волосам, по дешевому синтетическому свитеру, надолго задер-

жались на кедах. Он смотрел на чернильное пятно так, будто это личное оскорбление его дому. Потом впился в мои глаза.

В его взгляде не было простой неприязни - только полное, абсолютное презрение к «нищенке», посмевавшей ступить на его территорию. Я была грязью на его идеально вычищенных ботинках.

Он наклонился к моему уху. Медленно, опасно близко. Я ощутила жар дыхания на ледяной коже, колючее прикосновение щетины к виску. Сердце колотилось так громко, что, казалось, он должен это слышать.

- Послушай меня внимательно, «сестренка», - прошипел он. Голос низкий, хриловатый, острый, как лезвие ножа. - Не думай, что этот дом станет твоим. Ты здесь никто. Пустое место. Обычная нищенка с помойки, которую мой отец притащил, чтобы развлечься и потешить старческое эго.

Его пальцы вдруг легли на мою шею. Всего на секунду. Теплое, жесткое прикосновение - и меня ударило разрядом. Электричество прошло от точки касания до кончиков пальцев, до корней волос. Я дернулась, но не смогла отстраниться.

- Я превращу твою жизнь в ад, - пообещал он, и голос стал еще тише, интимнее, отчего угроза стала страшнее. Он обжигал холодом серых глаз, в которых я видела свое искаженное ужасом отражение. - Я буду наблюдать, как ты ломаешься. Каждый день. Наслаждаться. А когда станешь полностью раздавленной, жалкой и никчемной, я лично вышвырну тебя отсюда. Обратно в грязь, из которой ты выползла. Грязную, униженную, сломанную. Запомни это.

Он отстранился так же внезапно, как приблизился. Губы искривились в самодовольной усмешке, полной жестокости. Но договорить не успел.

- Денис! Хватит пугать гостей! - раздался от крыльца властный бас.

Мы обернулись. На широкое мраморное крыльцо вышел Виктор Соболев. Дорогой костюм-тройка, седые виски, холеная щетина, массивные часы и взгляд человека, привыкшего повелевать. Рядом двое мужчин в таких же дорогих костюмах с холодными лицами - охрана или помощники.

Денис мгновенно изменился. Не стал мягче, но в осанке появилась сдержанная злоба, смешанная с ненавистью к отцу. Он бросил на меня последний, обещающий долгую расправу взгляд и, не сказав ни слова, направился к дому, бросив шлем прямо на идеальный газон.

Виктор спустился по ступеням и подошел к нам. Лицо расплылось в радушной, но слишком правильной улыбке. Он мягко, по-хозяйски обнял маму за талию и сухо поцеловал в щеку. Но глаза, темные и цепкие, изучали меня, оценивали.

- Ну здравствуй, Майя, - произнес он, протягивая руку. Ладонь сухая, твердая, холодная. - Добро пожаловать в семью. Не обращай внимания на Дениса. Он привыкает к новым обстоятельствам. Со временем вы поладите.

Я вежливо коснулась его руки, стараясь не смотреть на дверь, за которой скрылся «сводный брат». В словах Виктора слышалась уверенность, но я видела, как он смотрит на маму. Не как на любимую женщину - как на дорогую покупку, которой будет наслаждаться, пока не надоеет. От этого взгляда стало еще холоднее, чем от угроз Дениса.

- Пойдемте в дом, - скомандовал Виктор. - Ирина, дорогая, переоденься к ужину. Майя, твои вещи уже подняли в комнату. Отдыхай.

Мы вошли в холл, и у меня перехватило дыхание. Огромное пространство-atrium, залитое холодным светом из купольного окна под потолком. Пол из белого итальянского мрамора с золотистыми прожилками отполирован до блеска - я видела в нем свое испуганное отражение. Массивная лестница с коваными перилами уходила вверх и раздваивалась, ведя в два крыла.

Стены увешаны картинами в тяжелых рамах, стояли напольные вазы выше меня ростом с экзотическими цветами. Но их аромат тонул в запахе дорогого дерева, старой кожи, табака

и еще чего-то тяжелого, давящего. Тишина была такой плотной, что, казалось, давит на барабанные перепонки.

Два охранника в черных костюмах стояли у входа, не шелохнувшись. Для них мы были частью интерьера.

- Твоя комната на втором этаже, в правом крыле, - Виктор указал наверх. - Денис живет в левом. Постарайся не заходить на его территорию. Он ценит уединение.

Я кивнула и начала подниматься по лестнице, вцепившись в лямки рюкзака. С каждой ступенькой ощущение чужеродности усиливалось. Я обернулась: мама с восторгом рассматривала хрустальную люстру, а Виктор смотрел на меня. Изучающе, оценивающе. Как на актив, который только что приобрел.

Я пошла быстрее. В голове пульсировало: добраться до комнаты, закрыть дверь, спрятаться.

Коридор второго этажа был бесконечным, устлан мягкой ковровой дорожкой. Светильники горели ровным теплым светом, но мне он казался погребальным. Я нашла дверь с медной табличкой «Гостевая спальня №3», вошла и наконец выдохнула.

Комната оказалась огромной. Больше нашей квартиры. Кровать под балдахином, антикварный письменный стол, шкаф, в который поместились бы все жители нашего дома, своя ванная, сверкающая хромом. На кровати аккуратной стопкой лежали мои вещи - те немногие пожитки, что мы привезли. Они смотрелись так же нелепо и жалко, как мои кеды на гранитной аллее.

Я подошла к огромному окну, выходящему в парк. Внизу, под окнами, стоял Денис. Прислонившись спиной к старому дубу, курил и смотрел прямо на мое окно. Даже на расстоянии я чувствовала его взгляд - ледяной, тяжелый. Он не просто смотрел - наблюдал. Следил. Ждал.

Я задернула тяжелые шторы и прислонилась спиной к стене. Сердце бешено колотилось. В комнате было жарко от батарей, но я не могла согреться. Села прямо на пол, обхватила себя руками. Война, объявленная у ворот, только началась. И первой потерей стал мой покой.

Я знала это точно. Потому что, даже зарывшись лицом в колени, все еще чувствовала этот запах. Кедр и черный перец. Он въелся в волосы, в кожу, в легкие. Запах хищника. Запах моего нового ада.

Сколько я так просидела - не знаю. В тишине комнаты резко завибрировал телефон. Я вздрогнула, чуть не выронив его. Незнакомый номер, сообщение.

Я открыла.

Фотография. Моя комната, снятая откуда-то сверху, почти с потолка. На фото я сижу на полу, маленькая, испуганная, забившаяся в угол роскошной клетки.

А ниже текст:

«Уютно устроилась, мышка? Не расслабляйся. Я люблю играть с едой, прежде чем съесть. Завтра начинается твой личный ад. Добро пожаловать домой, сестренка. P.S. Спи с включенным светом. Я ненавижу темноту».

Я зажала рот рукой, чтобы не закричать. Вскочила, лихорадочно заметалась по комнате, задерживая шторы, проверяя углы, заглядывая под кровать. Включила все лампы, заперла дверь на щеколду и придвинула к ней тяжелое кресло.

Я знала, что не усну. Но и представить не могла, что этот кошмар только начинается.

Глава 2. Ужин с дьяволом

Я не помню, как уснула. Кажется, просто отключилась от перенапряжения - сидела на полу, привалившись спиной к кровати, сжимая рюкзак, и провалилась в темноту. Без снов, без мыслей, без ничего. Просто выключилась, как старый телевизор, который наконец-то выдернули из розетки.

Очнулась оттого, что затекло плечо и во рту было сухо, будто я час жевала вату. В комнате за шторами было совсем темно, но я не знала, который час. Телефон я так и сжимала в руке - пальцы затекли, едва разжались.

Разблокировала экран. Фотография все еще висела в чате. Моя комната, я на полу, маленькая, испуганная. Я не удалила ее. Сама не знаю почему. Может, чтобы не забывать, где я оказалась и кто меня здесь ждет. Или чтобы в любой момент могла доказать себе, что это не приснилось.

Я поднялась, ноги дрожали после неудобной позы. Подошла к окну, осторожно отодвинула край шторы. Внизу, в парке, горели ландшафтные фонари, газон был идеально подсвечен, будто декорация в театре. Дуб стоял на месте, массивный, старый. Но под ним было пусто. Никаких следов. Словно вчерашнее мне действительно приснилось.

Но синяки на запястье, которые я разглядела при свете телефона, были настоящими. Четыре темных пятна - следы его пальцев.

Я зачем-то потеряла их, будто могла стереть, и в этот момент в коридоре послышались шаги. Легкие, быстрые, но отчетливые. Кто-то шел по мягкой ковровой дорожке, и шаги звучали глухо, как удары по войлоку.

Потом вежливый стук в дверь.

- Майя, Виктор просил передать, что ужин через час. Вам помочь с платьем?

Женский голос, ровный, безэмоциональный. Я узнала его - женщина, которая встречала нас у входа. Кажется, экономка. Или домоправительница. Здесь вообще все называлось какими-то другими словами, не как у людей. Не «хозяйка», а «управляющая». Не «прислуга», а «персонал». Не «комната», а «гостевое крыло».

- Спасибо, я сама, - крикнула я, но дверь все равно приоткрылась.

В проеме стояла женщина лет пятидесяти, гладко зачесанная, в строгом темном платье с глухим воротом и с лицом, на котором не отражалось никаких эмоций. Ни улыбки, ни приветливости, ни даже обычного человеческого любопытства. В руках она держала большое полотняное платье нежно-голубого цвета - ткань переливалась при свете ламп, будто жидкий шелк.

- Виктор распорядился подготовить вам наряд к ужину, - сказала она, входя без приглашения. - Сегодня будут гости, нужно выглядеть соответственно.

Она говорила ровно, без тени улыбки, и от этого ее слова звучали не как предложение, а как приказ, не подлежащий обсуждению.

- У меня есть своя одежда, - начала я, но женщина уже подошла к кровати и аккуратно, с какой-то почти хирургической точностью, разложила платье поверх покрывала.

- Это распоряжение Виктора, - повторила она и замялась, подбирая слово. Я видела, как она покосилась на мои вещи, сложенные стопкой в углу. - Ваши вещи... они не совсем подходят для торжественного ужина.

Она не сказала «дешевые» или «позорные». Но это читалось в ее взгляде, в том, как она на секунду прищурилась, рассматривая мой старенький свитер.

- Я пришлю горничную помочь вам одеться через сорок минут, - добавила она и вышла так же бесшумно, как появилась.

Я осталась стоять посреди комнаты, глядя на это идеальное платье. Нежно-голубое, с тонкими бретельками, явно дорогое - такие носят девушки с обложек глянцевого журналов. Я

провела рукой по ткани - прохладная, скользкая, живая. Она пахла дорогим кондиционером и еще чем-то неуловимым. Тем же запахом, что витал в холле: деньги, полированное дерево, чужая жизнь, в которую меня запикивают силой.

Я представила, как спускаюсь вниз в своем свитере и джинсах. Как смотрю в глаза этим богатым людям. Да, я нищая провинциалка. Да, у меня кеды с пятном. И что? Я имею право быть собой.

Но потом я увидела маму. Мысленно, но очень отчетливо. Ее лицо, ее молящий взгляд. «Нам очень нужно, чтобы все получилось». Она так старалась, так ждала этой «новой жизни». Ради нее я не имела права все испортить в первый же вечер.

Не сегодня.

Через сорок минут в дверь постучали. Я уже стояла перед зеркалом в этом проклятом платье. Оно сидело идеально. словно шили по моим меркам, хотя я знала, что это невозможно. Просто деньги умеют делать так, что чужая одежда садится по фигуре, как влитая.

Горничная оказалась совсем молоденькой - лет семнадцать, не больше. Худенькая, с испуганными глазами, она вошла, низко опустив голову, и молча принялась за дело. Ловкими, быстрыми движениями уложила мои волосы в какую-то замысловатую прическу, подвела глаза, чуть тронула губы блеском. Работала как автомат - ни улыбки, ни лишнего слова.

Я смотрела на себя в огромное зеркало и не узнавала.

Из зеркала на меня смотрела чужая девушка. Красивая. Ухоженная. Дорогая. Та, которой здесь самое место. Только глаза остались мои - испуганные, настороженные, чужие в этом идеальном, словно нарисованном лице.

- Вам очень идет, - тихо сказала горничная и тут же опустила глаза, будто испугалась собственных слов. Будто боялась, что кто-то узнает о том, что она вообще открыла рот.

- Спасибо, - ответила я, но она уже выскользнула за дверь, растворилась в коридоре, как тень.

Я осталась одна. Глубоко вздохнула, закусила губу - до привычного металлического привкуса. Сделала шаг к двери. Потом еще один. Вышла в коридор.

Лестница вниз казалась бесконечной. Ступени из мрамора, кованые перила, подсветка - и я, босая, потому что туфли несла в руках. Не могла заставить себя надеть их раньше времени. Шла и считала ступеньки. Пять. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Сердце колотилось где-то в горле, каждый шаг отдавался глухим стуком в груди.

Я слышала голоса задолго до того, как спустилась. Мужской, властный - Виктор. Мамин - взволнованно-счастливый, такой, каким она говорила только в минуты особого восторга. И еще несколько незнакомых - смех, звон бокалов, женские голоса, красивые, поставленные.

Я вошла в гостиную, и разговор стих.

На меня смотрели все.

Виктор - оценивающе, с легкой улыбкой одобрения, как смотрят на удачную покупку. Мама - с мольбой во взгляде и надеждой, что я не подведу. Какие-то незнакомые мужчины в дорогих костюмах - с ленивым любопытством, словно я была новым экспонатом в их коллекции. Женщины с идеальными лицами и такими же идеальными улыбками - с холодным интересом, смешанным с чем-то похожим на снисхождение.

И Денис.

Он стоял у камина. Прислонился плечом к мраморной полке, в руке - бокал с темной жидкостью, явно не сок. На нем был темный пиджак, белая рубашка расстегнута у ворота - небрежно, но так, что это выглядело вызывающе. Слишком расслабленно для такого вечера. Слишком нарочито.

Он смотрел на меня в упор. И если в глазах остальных я читала что угодно - любопытство, оценку, снисхождение, - то в его взгляде не было ничего. Вообще. Абсолютная пустота.

Словно я не человек, а предмет мебели, который внезапно оказался в комнате и теперь портит интерьер.

- А вот и Майя, - Виктор сделал шаг навстречу, легко коснулся моего плеча. - Прошу любить и жаловать. Моя новая дочь.

«Новая дочь». Звучало так, будто старые у него закончились, и пришлось заказать новую с доставкой.

Кто-то из женщин улыбнулся, кто-то кивнул. Я стояла посреди этой роскошной гостиной, в этом чужом платье, с чужой прической, и чувствовала себя экспонатом на выставке.

- Майя учится в том же университете, что и Денис, - добавил Виктор, и я вздрогнула. - Так что брат присмотрит за сестрой.

Я посмотрела на Дениса. Он дернул уголок рта. Это не было улыбкой - скорее усмешкой хищника, которому пообещали сытный ужин.

- С превеликим удовольствием, - произнес он, и от его тона у меня мурашки побежали по коже. Холодные, острые, как ледяные иглы.

Мама засуетилась, подошла, взяла меня за руку, сжала пальцы:

- Ты такая красивая, доченька. Я же говорила - здесь все будет хорошо.

Я хотела ответить. Хотела сказать, что ничего хорошего здесь не будет, что я чувствую себя ряженой обезьянкой, что этот дом давит на меня, как могильная плита. Но посмотрела в ее сияющие глаза и промолчала. Только сжала ее пальцы в ответ.

Ужин накрыли в огромной столовой. Стол был таким длинным, что, казалось, на нем можно играть в теннис - я даже не преувеличиваю. Белая скатерть, хрусталь, серебро, живые цветы в вазах, три вида вилок с каждой стороны тарелки. Я даже не знала, для чего каждая. В нашей старой жизни вилка была просто вилок.

Мама села рядом с Виктором - по правую руку, как положено хозяйке. Она сияла, поправляла платье, улыбалась гостям и явно чувствовала себя королевой бала. Гости чинно беседовали о какой-то ерунде: о погоде в Куршавеле, о новых яхтах, о том, у кого какой реставратор делал особняк. Я молчала и пыталась запомнить, какой вилок едят рыбу, чтобы не опозориться.

Денис сидел напротив. Наискосок. Так, что стоило мне поднять глаза - я наткнулась на его взгляд. Он не отводил его. Смотрел в упор, изучающе, раздевающе. Словно проверял, как долго я выдержу, как быстро отведу глаза.

Я отвела. Первая.

Подавали какое-то невероятное блюдо - рыбу в белом соусе, украшенную икрой. Яковыряла вилок, не чувствуя вкуса. Рядом со мной сидела дама в бриллиантовом колье, которое, наверное, стоило как наша старая квартира. Она смотрела на меня с вежливым любопытством и наконец спросила:

- Майя, а вы кем хотели стать?

Я подняла глаза.

- Журналистом, - ответила тихо, почти шепотом.

- Журналистом? - Дама удивленно подняла идеально выщипанные брови. - Это так... необычно. Сейчас же все идут в адвокаты или в финансисты. Журналистика - это же почти благотворительность.

Она рассмеялась собственным словам. Несколько человек поддержали.

- Майя у нас очень целеустремленная, - вмешалась мама, и в ее голосе послышалась гордость. - Сама поступила на бюджет, сама готовилась, ночами не спала.

- На бюджет? - переспросил мужчина напротив, тот самый, что сидел рядом с Денисом. В его голосе послышалась насмешка, плохо скрытая вежливостью. - А, так вы та самая...

Он не договорил. Но я поняла. Та самая нищенка, которую пригрили. Та самая, из грязи в князи. Приживалка, которой место на кухне, а не за этим столом.

Я почувствовала, как щеки заливают краска. Горячая, стыдная волна поднялась откуда-то изнутри, заставила опустить глаза. Я смотрела в свою тарелку и видела только размытые пятна.

Денис смотрел на меня и улыбался. Улыбался широко, открыто, довольно. И от этой улыбки мне захотелось провалиться сквозь землю, сквозь этот дорогой паркет, сквозь фундамент - прямо в подвал, где меня никто не увидит.

- А Денис у нас гений финансов, - продолжал мужчина. - Уже сейчас помогает отцу с крупными проектами. Правда, Денис?

- Стараюсь, - коротко бросил Денис, не сводя с меня глаз. - Приходится учиться на своих ошибках.

Он сказал это так, что я поняла: это про меня. Я - его ошибка. И он собирается ее исправить.

Вечер тянулся бесконечно. Я почти не ела - кусок в горло не лез. Отвечала односложно, улыбалась, когда надо, кивала, когда требовалось, и чувствовала, как внутри нарастает глухая, тяжелая тоска. Она заполняла меня всю, вытесняя воздух, вытесняя мысли, оставляя только одно желание - чтобы это закончилось.

После ужина гости переместились в малую гостиную - пить кофе и коньяк. Я попыталась незаметно улизнуть наверх, но Виктор окликнул меня. Голос у него был такой, что не послушаться невозможно - въедался в подкорку, как команда.

- Майя, посиди с нами. Ты же теперь член семьи.

Член семьи. Я послушно села на краешек дивана, сжала руки в кулаки, чтобы не дрожали. Платье было красивым, но сидеть в нем оказалось неудобно - все время казалось, что оно сползет, откроет что-то лишнее.

И тут Денис подошел ко мне. Просто подошел и сел рядом. Так близко, что я снова почувствовала его запах - кедр, перец, холод. Этот запах заполнил мои легкие, вытесняя кислород. Сердце заколотилось, как сумасшедшее, готовое выпрыгнуть из груди.

- Ну что, сестренка, - тихо, почти ласково произнес он, наклоняясь к моему уху. - Нравится быть членом семьи? Чувствуешь себя своей?

Я молчала. Боялась даже дышать. Боялась, что если пошевелюсь, он сделает что-то еще.

- Ты здесь никто, - продолжал он все так же ласково, и его голос обжигал, как кислота. - И никогда не станешь своей. Ты просто дешевая приживалка, которую мой отец купил для своей утехы. А твоя мать - удобная прислуга в постели.

Я дернулась. Рванулась встать. Но он схватил меня за запястье - сильно, больно, так, что я чуть не вскрикнула. Пальцы впились в то же место, где остались синяки. Сжали, сдавили, пригвоздили к месту.

- Сиди и улыбайся, - прошипел он, и его губы почти касались моего уха. Со стороны, наверное, это выглядело как нежная братская забота. - Ты теперь часть декораций. Будешь дергаться - пожалеешь.

Я сидела. И улыбалась. Смотрела на гостей, на маму, на Виктора и улыбалась застывшей, фарфоровой улыбкой, пока его пальцы впивались в мою руку, оставляя новые синяки поверх старых.

Никто не видел. Никто не обращал внимания. Мама что-то рассказывала даме в колье, Виктор обсуждал с мужчинами политику, гости смеялись, пили кофе, наслаждались вечером. А я сидела и улыбалась, чувствуя, как внутри все сжимается от боли и унижения.

Минуты тянулись, как часы. Я перестала считать, сколько прошло времени. Может, полчаса. Может, час. Денис не отпускал меня. Иногда он чуть ослаблял хватку, но стоило мне дернуться - сжимал снова, сильнее.

Когда гости наконец начали расходиться, он разжал пальцы. Медленно, не торопясь. Встал, одернул пиджак, поправил манжеты. Посмотрел на меня сверху вниз - и я увидела в его глазах довольство. Настоящее, сытое довольство хищника, который наигрался с жертвой.

- Сладких снов, сестренка, - бросил он на прощание. - Надеюсь, тебе понравится твоя комната. Я лично позаботился, чтобы она была... уютной.

Он ушел. Просто развернулся и ушел, даже не оглянувшись. А я осталась сидеть на этом проклятом диване, чувствуя, как дрожат руки, как пульсирует боль в запястье, как слезы подступают к горлу, но не выходят наружу.

Мама подошла ко мне, когда гости разошлись. Чмокнула в щеку, пахнущую чужими духами, и прошептала:

- Ну как ты, доченька? Видишь, все хорошо. Денис с тобой даже разговаривал, сидел рядом. Я же говорила - он просто стеснительный. Надо дать ему время привыкнуть.

Я кивнула. Стеснительный. Да. Очень стеснительный.

- Я пойду спать, - выдавила я, и голос прозвучал хрипло, чужо.

- Конечно, конечно. Завтра новый день. Все наладится, вот увидишь.

Я поднялась к себе. Ноги дрожали, в висках стучало. Я поднялась по этой бесконечной лестнице, прошла по бесконечному коридору, вошла в свою комнату. Закрыла дверь. Придвинула кресло. Прислушалась. Тишина.

Долго стояла посреди комнаты, пытаюсь унять дрожь. Потом подошла к кровати, чтобы лечь, снять это проклятое платье, спрятаться под одеяло.

И замерла.

На подушке лежал мой старый свитер. Тот самый, дешевый, синтетический, который я оставила в шкафу, когда переодевалась. Я помнила, как сложила его аккуратной стопкой, задвинула подальше, чтобы не мозолил глаза.

Кто-то достал его. Кто-то принес и аккуратно разложил на наволочке, расправив рукава.

Свитер был разрезан. От ворота до самого низа. Ровно, аккуратно, будто скальпелем. Один длинный разрез, от которого ткань разошлась в стороны.

Рядом лежала записка. Маленький квадрат плотной бумаги, какие используют для дорогих визиток. Одно слово, написанное твердым, мужским почерком:

«Скучала?»

Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Заметалась по комнате - к двери, проверить замок. Заперто. К окну - шторы задернуты, я сама их задергивала. К шкафу - распахнула, заглянула внутрь, отодвинула вещи. Пусто.

Но он был здесь. Он заходил в мою комнату, пока меня не было. Сидел на моей кровати. Резал мой свитер. Писал эту записку.

Я обвела взглядом стены, потолок, люстру. Где? Где камера, с которой он сфотографировал меня в прошлый раз? Я не видела. Ничего не видела. Только гладкий белый потолок, только стены, оклеенные дорогими обоями с незаметным рисунком, только картина над кроватью.

Я подошла к картине. Обычный пейзаж - лес, озеро, закат. Ничего подозрительного. Постучала по раме - дерево. Заглянула за нее - стена.

Я отошла, села на пол, обхватила голову руками. Дрожь не проходила. Меня трясло так, что зубы стучали.

В телефоне снова завибрировало сообщение. Я даже не удивилась. Просто разблокировала экран и посмотрела.

Тот же номер.

Фотография. Я в гостиной. Сажу на диване, улыбаюсь застывшей улыбкой, а рядом Денис, склонившийся к моему уху. Со стороны - идиллическая картина. Заботливый брат шепчет что-то ласковое сестре. Теплые семейные отношения.

Я знала, что под этой картинкой. Я чувствовала его пальцы на своем запястье.

И текст:

«Ты отлично смотрелась сегодня, мышка. Правда, глаз дергался. Надо работать над самоконтролем. Завтра будет веселее. Обещаю».

Посидела еще минуту, потом встала, снова заперла дверь - хотя она была заперта. Снова проверила окна - заперты. Снова оглядела комнату в поисках камер - и снова не нашла ничего.

Но он видел. Он видел, как у меня дергался глаз. Он был там. Он везде.

Я забила в угол кровати, накрылась одеялом с головой и просидела так до утра. Не спала. Только смотрела в темноту, сжимая в руке разрезанный свитер, и слушала, как стучит сердце.

Где-то в доме часы пробили полночь. Потом час. Потом два.

Я думала о маме. О том, как она счастлива. О том, что я не могу ей рассказать. Она не поверит. Или поверит, но испугается, и тогда все рухнет. Ее сказка, ее принц, ее новая жизнь.

Я думала о Денисе. О его пальцах на моей шее, о его запахе, о его глазах - пустых, как у рыбы, и в то же время таких живых в своей жестокости.

Я думала о том, что впереди еще целая жизнь в этом доме. Что завтра новый день. И что он пообещал, что будет веселее.

Я не хотела веселья.

Я хотела проснуться в своей старой комнате, в своей старой жизни, где самым страшным были протекающий потолок и злая учительница по математике.

Но я не проснулась.

Война продолжалась.

И я понятия не имела, как ее выиграть.

Глава 3. Золотая клетка университета

Я не спала. Совсем.

Всю ночь просидела в углу кровати, поджав колени к груди, и смотрела на дверь. Ждала, что она откроется. Что он войдёт. Что исполнит обещание, данное у ворот: «Я превращу твою жизнь в ад».

Дверь молчала.

Часы в доме били каждый час - глухо, торжественно, как на похоронах. В два ночи я услышала шаги в коридоре. Они приблизились к моей двери, замерли на несколько секунд, потом двинулись дальше. Я задержала дыхание, вцепившись в одеяло. Сердце колотилось где-то в горле, и мне казалось, этот стук слышен за дверью.

Шаги стихли.

В шесть утра я уже не пыталась отличить явь от кошмара. Разрезанный свитер лежал рядом на тумбочке - я так и не убрала его. Теперь он казался предупреждением. Я сунула его в рюкзак, чтобы не оставлять здесь, в этой комнате, где он уже побывал без меня.

За окном серел рассвет. Я смотрела, как медленно проступают очертания комнаты. Огромной, чужой, пахнущей дорогим деревом и лаком для мебели. Здесь не было запаха дома - ванили, старых книг, маминых пирогов. Здесь пахло деньгами и стерильной чистотой.

Телефон завибрировал - будильник. Первый учебный день.

Я с трудом разжала пальцы, пошевелила ногами, затекшими от неудобной позы. Подошла к окну, отдернула шторы.

Парк внизу был мокрым от ночного дождя. Дуб, под которым вчера стоял Денис, казался обычным деревом. Без него, без мотоцикла, без запаха кедра и перца это место выглядело почти безобидно.

Почти.

Я вспомнила записку на подушке. Разрезанный свитер. Фотографию, где я сплю, снятую сверху.

Камера.

Я обвела взглядом комнату. Потолок идеально белый, без единой трещинки. Стены в дорогих обоях с мелкими цветами. Ни решёток, ни вентиляции, ни подозрительных деталей. Я проверила бра над кроватью, настольную лампу, даже розетки.

Ничего.

Или он умеет прятать лучше, чем я искать. Или камеры вмонтированы так, что их не видно.

В дверь постучали.

- Майя, вы проснулись? - голос экономки. - Виктор велел передать: завтрак через полчаса. Водитель отвезёт вас к девяти.

- Я спущусь.

Я отошла от окна. Достала из шкафа свои джинсы - единственные, которые влезли в чемодан. Белую футболку, которую мама купила на рынке перед отъездом. Кардиган, связанный бабушкой ещё в школе: мягкий, тёплый, с вытертыми локтями. Всё это было дешёвым, простым, почти бедным. Но своим.

Я натянула джинсы, застегнула пуговицу. Кардиган пах домом - ванилью и стиральным порошком. Зарылась носом в вязанный ворот, на секунду закрыла глаза. Там, дома, меня не боялись. Там не было камер в спальне.

Потом достала из рюкзака флакон духов - купила в переходе перед отъездом за триста рублей, хотела казаться взрослее. Резкий, приторный запах «ягодного коктейля» перебил ваниль. Чтобы не пахло бедностью. Чтобы никто не унюхал, откуда я на самом деле.

Брызнула на запястья, на шею, за уши. Пахло дешёвым парфюмом и страхом.

Внизу, в столовой, уже накрывали завтрак. Виктор сидел во главе стола, в идеально выглаженной рубашке, листал планшет. Мама - рядом, в красивом домашнем платье, с идеальным макияжем, улыбалась, наливая кофе в фарфоровую чашку. Она выглядела так, будто всю жизнь прожила в этом доме.

Увидев меня, она всплеснула руками:

- Майя! Ты такая бледная. Не выпалась?

- Всё нормально.

- Волнуешься, наверное, - она понизила голос. - Первый день в новом университете. Но ты справишься, я знаю.

Я кивнула, села на своё место. Омлет пах маслом, свежие круассаны лежали на тарелке, апельсиновый сок - в хрустальном графине. Я смотрела на это и не чувствовала голода.

- Денис подвезёт тебя, - не поднимая головы, бросил Виктор.

У меня похолодели руки.

- Что?

- У вас одна дорога, - спокойно сказал он. - Зачем два водителя гонять?

Мама смотрела на меня с надеждой. Я промолчала. Спорить с Виктором Соболевым - всё равно что спорить с ураганом.

- Денис! - крикнул Виктор. - Ты готов?

Из коридора донеслись тяжёлые шаги. Я уставилась в тарелку, чувствуя, как под рёбрами сжимается холодный ком.

- Всегда готов.

Голос прозвучал слишком близко. Я почувствовала запах - кедр и перец. Он вошёл в столовую, на ходу застёгивая манжеты тёмно-синей рубашки. Волосы влажные после душа, на скулах тень щетины. Выспавшийся. Довольный. Живой.

- Доброе утро, сестрёнка, - он сел напротив.

Я подняла глаза. Он улыбался легко, непринуждённо, будто между нами не было вчерашнего вечера. Будто не он разрезал мой свитер и писал записки.

- Ты не ешь, - заметил он, кивая на мою тарелку. - Первый день - стресс. Надо подкрепляться.

В его голосе звучала забота. Такая натуральная, что я на секунду засомневалась. Может, мне всё приснилось? Может, я просто накручиваю себя?

Мама засияла.

- Видишь, Денис заботится о тебе. Я же говорила, вы поладите.

Я отодвинула тарелку.

- Я наелась.

- Как хочешь, - пожал плечами Денис, допивая кофе. - Тогда поехали. Не хочу опаздывать.

Он поднялся, бросил салфетку на стол. Мама чмокнула меня в щеку - губы пахли её новой помадой, вишнёвой, дорогой.

- Удачи, милая. Я буду ждать.

В прихожей он уже натягивал кожаную куртку. Я остановилась у двери, глядя, как он застёгивает молнию.

- Может, я сама...

- Что? - он обернулся, и в глазах мелькнуло знакомое ледяное спокойствие. - Доедешь сама? На метро? С пересадками? Ты вообще знаешь, где университет?

Я молчала. Не знала.

Он открыл дверь. На улице стоял его чёрный мотоцикл - низкий, хищный, с горящими фарами даже днём. Денис накинул ногу, завёл двигатель. Рев ударил по ушам, разорвал утреннюю тишину элитного посёлка.

- Садись.

Я не двинулась.

- Майя, - его голос стал тихим и опасным. - Я не люблю повторять.

Я подошла. Забралась на заднее сиденье, вцепившись в край. Кожа сиденья была холодной, вибрация мотора проникала в тело, заставляя дрожать. Денис схватил мои руки и обхватил ими свой пояс.

- Держись. И не вздумай отпустить.

Он резко дал газу. Я зажмурилась, ветер ударил в лицо, волосы вырвались из хвоста, хлестнули по щекам. Всё, что было вчера - особняк, ужин, его угрозы, - осталось где-то позади, растворилось в скорости. Только его спина под моими пальцами, твёрдая, горячая даже через куртку. Только запах кожи и бензина, и какой-то его, личный - кедр, перец, опасность.

Мы влетели в поток машин, мотоцикл лавировал между рядами, и я вжималась в него всё сильнее, потому что если отпущу - упаду, разобьюсь. И он знал это. Знал, что я буду держаться.

У главного входа в университет он остановил мотоцикл, даже не обернувшись.

- Увидимся.

Я слезла. Ноги дрожали, в ушах всё ещё гудел мотор. Мотоцикл ушёл, оставляя за собой хвост выхлопных газов. Я стояла на тротуаре, чувствуя, как вибрация медленно отпускает тело.

Я поднялась по ступеням. Здание было огромным - сталинская высотка, отреставрированная до блеска: колонны, лепнина, тяжёлые дубовые двери, за которыми открывался мир, где мне не было места.

Внутри холл напоминал музей. Мраморный пол отражал хрустальные люстры. Стены в тёплых тонах, увешанные портретами известных выпускников - министры, олигархи, телеведущие. Студенты сновали туда-сюда. Дорогие сумки, аккуратные причёски, уверенные лица. Девушки в идеально сидящих брючных костюмах, парни в рубашках от известных марок, с часами на запястьях, которые стоили больше моей стипендии за год.

Я опустила глаза на свои кеды. Здесь всё кричало о деньгах, а я кричала о том, откуда пришла.

- Ты кто?

Я вздрогнула. Высокая блондинка в облегающем платье-футляре смотрела на меня с таким выражением, будто я была экскрементом на её идеальных лодочках.

- Первокурсница. Ищу аудиторию.

- Первокурсница, - она окинула меня взглядом, задержавшись на кедах, на кардигане, на дешёвом рюкзаке. - И на каком основании?

- Что?

- На каком основании ты здесь учишься? По блату? Или папа-олигарх отстегнул на корпус?

- Я на бюджете.

Блондинка рассмеялась. Рядом возникли ещё две девушки, переглянулись.

- На бюджете, - повторила одна. - А такие вообще бывают?

- Бывают, - усмехнулась блондинка. - Их на факультет социологии набирают. Чтобы процент был.

Они засмеялись и ушли, даже не обернувшись. Их смех остался висеть в воздухе, липкий, унижительный.

Я сжала зубы и двинулась дальше. Нашла расписание, свою группу. Аудитория на третьем этаже, факультет журналистики.

Поднялась по лестнице, стараясь не смотреть по сторонам. В аудитории уже было много народу. Студенты сидели группами, громко переговаривались, смеялись. Я выбрала место у окна, в самом углу. Достала тетрадь, ручку.

Лекция по основам журналистики началась через пятнадцать минут. Преподаватель - седой мужчина в очках, с уставшим лицом - вошёл, окинул аудиторию взглядом и начал монотонно читать. Я старалась слушать, но мысли разбегались. Вчерашняя ночь, записка, сегодняшнее утро, блондинка в холле. И Денис. Его голос, его запах, его руки, обхватившие мои, чтобы я держалась за него.

Я заставила себя сосредоточиться, начала записывать. Слова лекции складывались в голове, и на несколько минут я даже увлеклась.

После пары вышла в коридор. Нужно было найти туалет или хотя бы укромный уголок, где можно перевести дух, но коридоры кишели студентами. Я свернула в боковую галерею, надеясь найти пустую аудиторию, и наткнулась на Дениса.

Он стоял у окна, окружённый свитой. Парни в дорогих пиджаках, девушки с идеальными причёсками, все смотрели на него, ловили каждое слово. Он был здесь королём - это читалось в позах окружающих, в том, как они подавались вперёд, слушая его.

Он заметил меня сразу. Улыбнулся той же хищной улыбкой.

- Смотрите-ка, - громко произнёс он, кивая в мою сторону. - Моя сестрёнка. Тоже учится здесь.

Свита обернулась. Я замерла, чувствуя, как все взгляды устремляются на меня. Оценивающие, насмешливые, холодные.

- Познакомьтесь, - Денис подошёл ближе. - Майя. На бюджете. Из провинции. Папа решил проявить благотворительность.

Кто-то усмехнулся.

- Она вообще знает, где находится?

- Дорогу сюда нашла, - пожал плечами Денис. - Значит, не всё потеряно.

Он остановился напротив. Я смотрела в пол, в его идеально начищенные ботинки. Боялась поднять глаза.

- Что, сестрёнка, язычок проглотила? Вчера ты была более разговорчивой.

Я молчала.

- Ладно, - он повернулся к своим. - Не будем отвлекать нашу бюджетницу от учёбы. Ей надо стараться, чтобы не вылететь после первой сессии.

Смех ударил в спину. Я развернулась и пошла прочь. Быстро, почти бегом, не разбирая дороги. Толкнула первую попавшуюся дверь с табличкой «Библиотека».

Тишина. Пахло книгами, старым деревом, покоем. Высокие стеллажи уходили вверх, к лепному потолку. В читальном зале горели настольные лампы с зелёными абажурами, создавая островки тёплого света.

Я прислонилась к стеллажу, закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. Закусила губу до крови, чтобы не разреветься.

- Ты в порядке? - тихий голос.

Я открыла глаза. Рядом стояла девушка в очках, с высоким хвостом, в простом сером свитере и джинсах - таких же обычных, как у меня. Она смотрела с беспокойством, без того высокомерия, к которому я уже начала привыкать.

- Да, - выдавила я. - Всё хорошо.

- Ты первокурсница? Я тебя раньше не видела.

Я кивнула.

- Меня Лена зовут. Я на втором курсе. Здесь часто прячусь от шума.

- Майя.

- Пойдём, чай попьём? - она кивнула в сторону читального зала. - У нас там и диваны, и чайник. Лучшее место в универе.

Я хотела отказаться. Хотела остаться одна, переварить этот день, спрятаться в углу. Но ноги сами пошли за ней.

Мы сели на диван у окна. Лена налила чай в пластиковый стаканчик, протянула мне. Чай был крепким, с сахаром, и от него стало чуть теплее.

- Первый день всегда тяжёлый, - сказала Лена. - А тут ещё это место... Оно не для обычных людей.

- Ты тоже из... - начала я.

- Из провинции? - усмехнулась она. - Ага. Из маленького городка, который никто не знает. Поступила по олимпиаде. Первый год была как в аду. Теперь привыкла.

Она говорила просто, без пафоса, и от этого стало легче. Я смотрела на её вытертые джинсы, на старый свитер, на дешёвые балетки, и впервые за сегодня почувствовала, что не одна такая.

- Здесь есть такие, как мы, - продолжала Лена. - Просто они прячутся. В библиотеке, в подсобках, в спортзале по вечерам. Держатся вместе.

Я кивнула, делая глоток чая. Горло обожгло.

- Если хочешь, я познакомлю тебя с нашими, - предложила она. - Собираемся по пятницам. Обсуждаем учёбу, иногда ходим в кино.

- Спасибо. Я подумаю.

Мы обменялись номерами. Я записала её контакт в телефон, и на душе стало чуть теплее. Хоть один человек здесь, кто не смотрит на меня как на грязь.

Через час у меня была следующая лекция. Я попрощалась с Леной и пошла в аудиторию, чувствуя, как возвращается тяжесть.

В коридорах уже было не таклюдно. Я шла быстро, опустив голову, и не заметила, как меня схватили за локоть.

- А вот и наша звезда.

Денис прижал меня к стене в пустом коридоре. Его пальцы впились в плечо, не больно, но крепко - так, чтобы я не могла вырваться.

- Отпусти, - прошептала я.

- Не спеши, - он наклонился ближе, и я снова почувствовала его запах. Кедр. Перец. Опасность. - Как тебе первый день? Понравилось?

Я молчала.

- А я смотрю, ты уже нашла подружек. Эта, в очках? Из второго курса? Тоже из грязи?

Я дёрнулась, пытаясь высвободиться, но он только сильнее прижал меня к стене.

- Она не имеет отношения к твоим играм.

- Играм? - усмехнулся Денис. - Ты думаешь, я играю?

Он приблизился вплотную. Я чувствовала его дыхание на щеке, на губах. Волосы на затылке встали дыбом.

- Я предупреждал, Майя. Я превращу твою жизнь в ад. И начну с малого.

Он выхватил у меня телефон. Я не успела среагировать - его движения были слишком быстрыми.

- Отдай! - я рванулась, но он отступил на шаг, удерживая меня одной рукой.

- Четыре цифры, - он усмехнулся, глядя на экран. - Ты слишком предсказуема, сестрёнка.

Его пальцы забегали по экрану. Я смотрела, как он открывает контакты, что-то удаляет, потом заходит в мессенджеры.

- Что ты делаешь? - мой голос сорвался на крик.

- Чищу твоё окружение. У тебя здесь слишком много лишних людей. Вот эта Лена, например. И ещё какие-то странные номера.

Он поднял на меня глаза. В них не было ни капли сомнения, ни тени жалости. Только холодное, спокойное удовлетворение.

- Тебе не нужны друзья, Майя. Тебе нужно помнить, кто ты и где находишься.

Он бросил телефон обратно. Я поймала его дрожащими руками.

- Ты... ты не имеешь права...

- Имею, - перебил он, и его голос стал тихим, почти ласковым. - Я здесь всё имею право.

Запомни это.

Он развернулся и ушёл, даже не оглянувшись. Его шаги гулко отдавались в пустом коридоре, затихая вдалеке.

Я прислонилась к стене, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Разблокировала телефон, открыла контакты.

Лены не было. Исчезли все номера, которые я успела накопить за последние годы. Одногруппники, знакомые, даже школьная подруга, с которой мы переписывались раз в полгода. Всё, что связывало меня с прошлой жизнью, он стёр одним движением.

Я закрыла глаза. Слезы навернулись, но я заставила себя не плакать. Не здесь. Не перед ним.

Глубоко вздохнула, вытерла глаза и пошла на лекцию.

В аудитории было шумно. Студенты переговаривались, смеялись. Я села на своё место у окна, положила перед собой тетрадь.

В телефоне завибрировало сообщение.

Я не хотела смотреть. Но пальцы сами разблокировали экран.

Денис.

Фотография. Я в библиотеке, сижу на диване, разговариваю с Леной. Снято со стороны, через стекло. Крупно, чётко. Он следил за мной. Он был там.

«Хорошая компания. Жаль, что ненадолго».

Второе сообщение:

«И не вздумай восстанавливать контакты. Я узнаю. И тогда будет хуже. Намного хуже».

Я убрала телефон в карман, закрыла глаза.

Первый день в университете подходил к концу. За окном темнело, в аудитории зажгли свет. А впереди была целая жизнь в этом доме, в этом универе, в этом аду, который он мне обещал.

Я закусила губу до крови, чувствуя металлический привкус.

И поняла: он только начал.

Глава 4. Фальшивый поцелуй

Утром я проснулась от того, что кто-то ходил по комнате.

Резко села, вжалась спиной в изголовье. Сердце колотилось где-то в горле, перед глазами всё плыло. Но комната была пуста. Только шторы колыхались от приоткрытой форточки, да на тумбочке лежал телефон.

Я выдохнула. Приснилось.

Взяла телефон - ни одного уведомления.

Я откинулась на подушки. Потолок белый, гладкий, без единой трещинки. Я смотрела на него и прокручивала в голове вчерашний вечер. Его пальцы на моём подбородке. Его дыхание на губах. Момент, когда я закрыла глаза.

И его смех.

Зажмурилась, чувствуя, как щёки заливают краской. Стыд. Горячий, липкий, унижительный. Я позволила ему подойти так близко. Я хотела, чтобы он меня поцеловал. После всего, что он сделал. После разрезанного свитера, после стёртых контактов, после «нищенки» и «прижи-валки».

Что со мной не так?

В дверь постучали.

- Майя, ты проснулась? - мамин голос.

- Да.

- Я войду?

Дверь открылась, мама вошла с подносом. Кофе, круассаны, свежавыжатый сок. Всё на идеальном белом фарфоре с золотым ободком.

- Доброе утро, - она поставила поднос на тумбочку, села на край кровати. - Как спалось?

- Нормально.

- Ты вчера пришла рано. Я слышала, как ты поднималась. Что-то случилось?

Я смотрела на её встревоженное лицо. Она выглядела счастливой - по-настоящему, впервые за много лет. У неё новая жизнь, новый муж, новый дом. Если я расскажу правду, всё рухнет.

- Устала, - ответила я. - Просто устала.

Мама погладила меня по руке. Её пальцы пахли дорогим кремом и всё той же ванилью - моей, родной, единственной, что осталась от прошлого.

- Первые дни всегда тяжёлые, - сказала она. - Но ты справишься. Ты у меня сильная.

Сильная. Я сжала зубы, чтобы не разреветься.

- Мам, я не хочу никуда идти сегодня.

- Но сегодня же вечеринка! - она всплеснула руками. - Виктор уже всё организовал. Он хочет, чтобы ты там была. Все будут. Это важно для семьи.

Семья. Я посмотрела на неё и вдруг поняла: она говорит не о нас с ней. Она говорит о Соболевых. Я стала частью их семьи, и от меня ждут, что я буду играть по их правилам.

- Хорошо, - сказала я. - Я приду.

Мама просияла.

- Я так и знала. Виктор передал тебе платье, оно висит в шкафу. Примерь обязательно.

Я ждала, когда она уйдёт, потом встала, открыла шкаф. Платье висело на плечиках - длинное, шёлковое, цвета слоновой кости. С открытыми плечами, с тонкими бретельками. Дорогое. Чужое.

Я провела пальцами по ткани. Она была прохладной, скользкой, живой. Такие платья носят девушки с обложек. Такие не надевают на студенческие вечеринки - их надевают на светские рауты, где решаются судьбы корпораций.

Виктор выбрал его сам. Он готовил меня к выходу в свет. Чтобы все видели: его новая дочь - не просто приживалка, она достойна их круга.

Я повесила платье обратно.

День тянулся медленно. Сидела на подоконнике, смотрела, как внизу спуют садовники, поливают газоны, подстригают кусты. Всё здесь идеальное. Искусственное. Как в музее восковых фигур.

Попыталась позвонить Лене, но набрала номер и сбросила, так и не нажав «вызов». Что я ей скажу? «Мой сводный брат стёр твой контакт, я восстановила, но боюсь, что он узнает»? Она подумает, что я сумасшедшая.

Открыла чат с Денисом. Вчерашняя фотография всё ещё висела там - я на террасе, с закрытыми глазами, с его пальцами на моём подбородке. Удалила чат. Потом восстановила. Потом удалила снова.

К четырём часам в дверь постучали. Та самая горничная - молоденькая, с испуганными глазами - вошла с косметичкой.

- Виктор велел помочь вам подготовиться, - сказала она, не поднимая глаз.

- Я сама.

- Он будет недоволен.

Я посмотрела на неё. Ей было лет семнадцать, не больше. Худенькая, с бледным лицом и руками, которые привыкли работать быстро и незаметно. Она боялась Виктора. Так же, как и я.

- Хорошо, - сказала я. - Помогай.

Она распаковала косметичку, и я села перед зеркалом. Её пальцы скользили по моему лицу, нанося тональный крем, подводку, тени. Работала молча, сосредоточенно. Я смотрела на своё отражение, превращающееся в чужое.

- У вас красивые волосы, - тихо сказала она, укладывая их в сложную причёску. - Натуральные.

Я не ответила.

- Мои тоже были такие, - добавила она, и в её голосе мелькнула грусть. - Пока я не начала их выпрямлять. Здесь все выпрямляют.

«Здесь». Она сказала это так, будто мы с ней были по одну сторону. Будто она тоже была чужой.

- Ты давно здесь работаешь? - спросила я.

- Два года, - она поправила локон, закрепила шпилькой. - Меня привезли из области. Учиться обещали, но... - она замолчала, и я поняла, что не нужно продолжать.

В дверь постучали.

- Майя, ты готова? - голос мамы.

- Почти.

Горничная отступила, окинула меня взглядом. В её глазах мелькнуло что-то похожее на зависть. Или на жалость.

- Вам очень идёт, - сказала она и вышла.

Я осталась перед зеркалом. Из него на меня смотрела чужая девушка. Идеальная причёска, идеальный макияж, идеальное платье. Дорогая, ухоженная, фарфоровая. Та, которой здесь самое место. Только глаза остались мои - испуганные, настороженные.

Я взяла мамин платок, который она оставила на тумбочке. Белый батист, вышитый инициалами. Пахло её духами и домом. Сунула в маленькую сумочку - на удачу.

Вспомнила про свой дешёвый парфюм из перехода. Достала флакон, брызнула на запястья, на шею. Резкий, приторный «ягодный коктейль» перебил ваниль. Чтобы не пахло бедностью. Чтобы никто не унюхал, откуда я на самом деле.

- Майя!

- Иду.

Спустилась по лестнице, чувствуя себя ряженой. Туфли на высоком каблуке красивые, но неудобные.

Внизу ждала машина. Мама поцеловала меня в щёку, оставив след от помады.

- Веселись, - сказала она. - И помни: ты теперь Соболева.

Виктор кивнул, не отрываясь от планшета. Дениса не было.

Я села на заднее сиденье, и машина тронулась. Всю дорогу смотрела в окно, считала фонарные столбы. Пальцы дрожали, я сжала их в кулаки, чтобы успокоиться.

Вечеринка проходила в загородном клубе - белое здание с колоннами, панорамные окна, идеальный газон, подсвеченный снизу. У входа толпились студенты - все в дорогом, все красивые, все уверенные.

Я вышла из машины, ветер ударил в лицо, подхватил подол платья. Придержала рукой и пошла ко входу, чувствуя взгляды.

- О, наша бюджетница пожаловала! - раздался голос блондинки из холла.

Она стояла у входа в окружении свиты, в красном платье с глубоким декольте, с бокалом шампанского. Её подруги - такие же ухоженные, такие же уверенные - смотрели на меня с ленивым любопытством.

- А платье-то откуда? - блондинка обвела меня взглядом, задержавшись на шёлке. - На стипендию не похоже.

Подруги захихикали.

- Папа купил, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Папа? - она приподняла бровь. - Ах да, забыла. Ты же теперь почти Соболева.

Она сделала ударение на «почти». Я прошла мимо, не оборачиваясь, но чувствовала её взгляд на спине.

Внутри играла музыка, мигали огни. Студенты танцевали, пили, смеялись. Кто-то узнавал меня, перешёптывался, кивал. Я взяла с подноса бокал с шампанским, сделала глоток.

Оглядела зал в поисках места, где можно спрятаться. В углу стояли высокие столики, у одного - никого. Я направилась туда, но не успела сделать и трёх шагов.

- А вот и моя сестрёнка.

Голос за спиной. Тот самый - низкий, вкрадчивый, опасный.

Я обернулась. Денис стоял в двух шагах, с бокалом в руке, в тёмном пиджаке и белой рубашке, расстёгнутой у ворота. Волосы чуть влажные, на скулах тень щетины. Выглядел так, будто только что сошёл с обложки. И смотрел на меня так, будто видел впервые.

- Платье, - сказал он, окидывая меня медленным взглядом - от тупель до причёски. - Недурно. Папа постарался?

- Тебя это не касается.

Он усмехнулся, шагнул ближе.

- Касается, сестрёнка. Всё, что касается семьи, касается меня.

Он взял меня под локоть - не больно, но крепко. Я дёрнулась, он не отпустил.

- Пойдём, познакомлю тебя с нужными людьми. Ты же теперь почти Соболева. Должна знать своё место.

Он повёл меня через зал, и я шла, потому что не могла вырваться. Потому что все смотрели, и если я устрою сцену, мама узнает. А мама не должна узнать.

- Это моя сестра, - представлял меня Денис, и в его голосе звучала насмешка. - Майя. Учится на бюджете.

Люди улыбались, кивали, но в их глазах я читала то же, что и вчера в университете. Снисхождение. Жалость. Презрение. Они видели во мне чужую - девушку, которую привели в их мир по ошибке.

Я стояла с бокалом в руке, улыбалась застывшей улыбкой и чувствовала, как внутри всё сжимается. Как хочется развернуться и убежать. Но я не могла.

- Ну как тебе вечеринка? - спросил Денис, когда мы отошли от очередной группы. - Нравится быть частью высшего света?

- Отпусти меня, - прошептала я.

- Зачем? - он наклонился ближе, и я снова почувствовала его запах. Кедр. Перец. Опасность. - Тебе же нравится. Притворяться той, кем ты не являешься. Носить чужие платья. Улыбаться чужим людям.

- Ты не знаешь, кто я.

- Знаю, - его голос стал тихим, почти ласковым. - Ты маленькая нищенка, которая пытается украсть то, что ей не принадлежит. Но я не позволю.

Он отпустил мой локоть и отошёл, оставив меня стоять посреди зала. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как кровь приливает к щекам, как пальцы сжимают бокал так, что он вот-вот треснет.

Я хотела уйти. Хотела найти такси, вернуться в особняк, забиться в угол и никогда не выходить. Но ноги не слушались. Или что-то внутри - какая-то глупая, отчаянная гордость - не позволяло мне сдаться.

Я сделала ещё глоток шампанского. Потом ещё. Жидкость обжигала горло, но вместе с жжением приходила странная, пьянящая решимость.

Я не буду бежать. Не буду.

Поставила пустой бокал на поднос проходящей мимо официантки и двинулась через зал. Лавировала между танцующими, обходила группы смеющихся студентов, не обращая внимания на взгляды. Я искала его.

Нашла у барной стойки. Он стоял, окружённый своей свитой, что-то говорил, и все ловили каждое слово.

- Денис.

Он обернулся медленно, не торопясь. В его глазах мелькнуло удивление - и тут же сменилось холодным, оценивающим прищуром.

- Не ожидал, что ты придёшь.

- Ты хотел меня унижить, - сказала я, и голос дрожал, но я не могла остановиться. - Ты думаешь, если выставишь меня душой перед всеми, я сломаюсь. Убегу. Исчезну.

Свита замерла, уставилась на нас. Кто-то усмехнулся, кто-то переглянулся. Я чувствовала их взгляды на себе, но уже не могла остановиться.

- Не дождёшься, - выдохнула я. - Я не сломаюсь. Я не исчезну. Я буду здесь. И ты ничего с этим не сделаешь.

Тишина. Музыка из динамиков доносилась приглушённо, будто кто-то сделал звук тише. Денис смотрел на меня, и в его взгляде было что-то новое. Что-то, чего я не умела читать.

Он сделал шаг ко мне. Ещё один. Я отступила, упёрлась спиной в барную стойку.

- Ты смелая, - сказал он, и в его голосе не было насмешки. - Или глупая.

- Может, и то, и другое.

- А может, и то, и другое, и ещё что-то, чего ты сама не понимаешь.

Он подошёл вплотную. Я чувствовала жар его тела, запах кедра и перца, который теперь казался не чужим, а пугающе родным. Сердце колотилось где-то в горле, и я не могла дышать.

Свита молчала. Все смотрели.

Он наклонился. Медленно. Очень медленно. Я видела, как расширились его зрачки, как потемнели серые глаза. Видела отражение ламп в них, и своё собственное отражение - маленькое, испуганное, замершее.

- Знаешь, - прошептал он, и его дыхание коснулось моих губ, - а ведь в тебе что-то есть.

Он коснулся моего подбородка. Пальцы были тёплыми, шершавыми, и от этого прикосновения у меня перехватило дыхание. Он приподнял моё лицо, и я не могла отвести взгляд.

Я замерла, парализованная страхом и ещё чем-то - чем-то жарким, что разливалось по венам, заставляло забыть, кто он и кто я. Всё, что было между нами, всё, что он говорил, всё, что он делал, - всё исчезло.

Остались только его глаза, его пальцы на моём лице, его дыхание на моих губах.

- Отпусти, - выдохнула я, но голос прозвучал слабо, неубедительно, и я ненавидела себя за это.

- Не хочу, - ответил он, и в его глазах я увидела это.

Не ненависть. Не презрение.

Дикую, одержимую страсть.

Она пульсировала в воздухе между нами, густая, жаркая, почти осязаемая. Я чувствовала её каждой клеткой. И знала: он чувствует то же.

Он наклонился. Медленно. Я закрыла глаза. Сердце замерло, мир замер, время остановилось.

Поцелуй не пришёл.

Я открыла глаза. Денис отстранился на полшага. Его лицо изменилось - холодная, жесткая усмешка вернулась на место, как маска, которую он надел заново.

- Испугалась? - тихо спросил он, и теперь его голос слышали все. - Думала, я тебя поцелую?

Кто-то засмеялся. Я услышала этот смех - резкий, бьющий по ушам. Кто-то ещё. И ещё.

- Ты не в моём вкусе, сестрёнка, - сказал он, и в его голосе сквозило такое презрение, что у меня перехватило дыхание. - Слишком дешёвая. Даже в этом платье.

Он отступил, развернулся и отошёл к своим, даже не оглянувшись. Свита расступилась, пропуская его, и я осталась стоять у барной стойки одна, под взглядами десятков глаз.

Смех стихал, но я всё ещё слышала его. В ушах шумело, в груди всё горело.

Я не помню, как выбралась из зала. Помню только, что шла, не разбирая дороги, мимо танцующих, мимо блондинки в красном, которая что-то крикнула мне вслед. Я вылетела на улицу, в темноту, и только там, прижавшись спиной к холодной стене клуба, позволила себе выдохнуть.

Слёзы текли по щекам, размазывая тушь. Я вытирала их ладонями, но они не останавливались.

Он сделал это нарочно. Подошёл так близко, заставил поверить... и оттолкнул. При всех. Чтобы я чувствовала себя дурой. Чтобы я знала своё место. Чтобы в следующий раз, когда он приблизится, я не смела надеяться.

Я стояла у стены, дрожа в шёлковом платье, и чувствовала, как внутри что-то ломается. Та самая гордость, которая держала меня всё это время. Она трескалась, осыпалась, как старая штукатурка.

- Эй, ты в порядке?

Голос. Я подняла голову. Передо мной стояла девушка - незнакомая, в простом чёрном платье, смотрела с беспокойством.

- Да, - выдавила я. - Всё хорошо.

- Не похоже, - она протянула мне платок. - Держи.

Я взяла, вытерла лицо. Платок пах лавандой.

- Спасибо.

- Тот парень? - она кивнула в сторону клуба. - Денис Соболев?

Я не ответила.

- Он козёл, - сказала девушка просто. - Все это знают. Но с ним лучше не связываться. Он уничтожает тех, кто ему не нравится.

- Я знаю, - прошептала я.

- Тогда держись от него подальше, - посоветовала она и ушла, оставив меня одну.

Я стояла на улице, сжимая в руке мокрый платок. Шампанское выветрилось, осталась только тяжёлая, свинцовая усталость.

Вызвала такси, села на заднее сиденье и всю дорогу смотрела в окно. Огни Москвы проплывали мимо, чужие, холодные. Я вспоминала его глаза в тот момент, когда он наклонился. В них было что-то, кроме ненависти. Я видела это. Я точно видела.

Или мне только показалось?

В особняке было темно. Я поднялась к себе, не включая свет, скинула туфли. Платье упало на пол шёлковой лужей.

Села на кровать, обхватила колени руками. Телефон завибрировал.

Сообщение от Дениса.

Фотография. Я у барной стойки, прислонённая к стойке, с закрытыми глазами. Он сделал это в тот момент, когда я ждала поцелуя.

Текст: «Хорошо получилось, правда? Повесим на стену?»

Я смотрела на экран, и слёзы снова навернулись на глаза.

Второе сообщение: «Ты говорила, что не сломаешься. Посмотрим, как долго ты продержишься, мышка».

Я убрала телефон, легла, уставилась в потолок.

Я закрыла глаза, но не могла уснуть. Перед глазами стояла картина: он приближается, я замираю, сердце замирает... и его усмешка. Холодная, жестокая, торжествующая.

Он хотел унижить меня. И у него получилось.

Но в тот момент, когда его пальцы коснулись моего подбородка, я забыла обо всём. О том, кто он. О том, что он сделал. Я просто стояла и ждала.

И это было хуже всего.

Я ненавидела его. Ненавидела так, что зубы сводило. Но в ту секунду, когда он наклонился, я хотела, чтобы он меня поцеловал.

Я зарылась лицом в подушку, чтобы не закричать.

Я не спала. Я смотрела в потолок и думала о том, что сказала ему: «Я не сломаюсь».

Я не сломаюсь. Не сломаюсь.

Но я не знала, как долго смогу это повторять.

Глава 5. Свита короля

Ночь прошла в тягучем полубреду. Я лежала на спине, глядя в белый потолок, и перебирала в памяти каждую секунду той сцены на террасе. Его пальцы на моём подбородке. Дыхание на губах. Смех, который разорвал мгновение, превратив его в клеймо.

Я поворачивалась на бок, сжимала подушку, зарывалась лицом в прохладную ткань. Ничего не помогало. Стоило закрыть глаза - и я снова стояла у колонны, с закрытыми глазами, ждущая. А потом - его голос: «Слишком дешёвая».

Под утро я провалилась в забытье, но и там меня настигли его глаза - серые, ледяные, с той странной искрой, которую я так и не смогла разгадать. Во сне он снова наклонялся, я чувствовала запах кедра и перца, а когда просыпалась - в комнате было пусто, только серый рассвет пробивался сквозь щели в шторах.

За окном зарозовело. Я села, ощущая тяжесть во всём теле, словно вместо сна меня грузили мешками с песком. Подошла к зеркалу. Под глазами залегли синие тени, лицо казалось чужим, осунувшимся. Я провела пальцами по щеке - кожа была холодной, безжизненной.

Внизу за завтраком мама обеспокоенно смотрела на меня. Она сидела напротив, в новом домашнем платье, с идеальной укладкой, и я видела, как она подбирает слова.

- Ты плохо выглядишь, - наконец сказала она. - Может, останешься дома?

- Не выспалась, - ответила я, ковыряя вилкой омлет. - Всё нормально.

- Денис уже уехал, - добавила она, и в её голосе послышалось что-то виноватое. - Он сегодня рано.

Я кивнула, не поднимая глаз. Виктор сидел во главе стола с планшетом и даже не поднял головы. Я для него была мебелью - дорогой, но мебелью.

Водитель подал машину. Я села на заднее сиденье, прижалась лбом к стеклу. Дорога до университета растянулась в бесконечность. Я смотрела на проплывающие мимо дома, на рекламные щиты, на людей, спешащих по своим делам, и завидовала им. Они не знали, что такое просыпаться в доме, где тебя ненавидят.

В холле былолюдно, как всегда. Я опустила голову, стараясь слиться с толпой, проскользнуть к лестнице незамеченной. Но не успела сделать и трёх шагов.

- А вот и она.

Голос Дениса прозвучал громко, отчётливо, так, что его услышали все в радиусе двадцати метров. Я замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Он стоял у центральной лестницы в окружении свиты. Парни в дорогих пиджаках, девушки с идеальными причёсками - все смотрели на него, а теперь смотрели на меня. Он был здесь королём - это читалось в позах окружающих, в том, как они подавались вперёд, ловя каждое слово.

- Моя сестрёнка, - продолжал Денис, не повышая тона. Его голос стелился по холлу, мягкий, опасный. - Та самая, которая на вечеринке хотела, чтобы я её поцеловал.

Кто-то засмеялся. Смех подхватили, он поплыл над головами, липкий, унижительный. Я сжала лямку рюкзака так, что пальцы заболели. В ушах зашумело, перед глазами всё поплыло, но я заставила себя стоять прямо.

- А она ничего, - протянул один из парней, Кирилл, и в его голосе сквозило такое, от чего у меня свело спину. - Симпатичная, если приглядеться.

- Приглядывайся, - усмехнулся Денис. - Она свободна. И, кажется, очень хочет внимания.

Он сказал это так, будто я была вещью. Вещью, которую можно передать, отдать, выбросить. Я подняла голову, встретила с ним взглядом. В его глазах не было ничего. Ни злости, ни ненависти, ни даже того странного жара, который я видела на вечеринке. Только холодная пустота.

- У тебя лекция через десять минут, сестрёнка, - бросил он, уже теряя ко мне интерес.
- Беги, не опаздывай. А то вылетишь.

Я пошла. Быстро, почти бегом, чувствуя на спине десятки взглядов. Казалось, они прожигают ткань футболки, оставляя следы.

На первой паре я сидела у окна, смотрела в тетрадь и не видела ни строчки. Внутри пульсировала тупая, горячая злость. Но главное - страх. Он объявил меня неприкасаемой. Нет, хуже: он объявил меня доступной. Жалкой, отчаявшейся, той, кто «хочет внимания». А теперь его свита будет развлекаться.

Я представила, как они будут подходить, что будут говорить, и внутри всё сжималось. Я закусил губу до крови, чувствуя знакомый металлический привкус.

На перемене я вышла в коридор и сразу поняла, что не ошиблась. Студенты, которые вчера просто игнорировали меня, теперь откровенно пялились. Кто-то улыбался, кто-то перешёптывался, показывая пальцем.

- Это она? - услышала я за спиной.

- Да, та самая. Сводная сестра Соболева. Говорят, она на вечеринке к нему приставала.

- Бедная? Ну понятно. Охота на богатенького наследника.

- А он её отшил при всех. Говорят, она чуть не плакала.

Я сжала зубы и ускорила шаг. Надо найти Лену. Единственного человека, который...

- Майя!

Я обернулась. Лена стояла у окна, в своём сером свитере, с очками на носу. Она махала мне рукой, и в её глазах не было насмешки. Только тревога.

- Ты чего такая? - спросила она, когда я подошла. - Случилось что-то?

- Всё нормально.

- Не нормально, - она оглянулась, понизила голос. - Я слышала, что вчера было. Соболев при всех... Он...

- Не важно, - перебила я. - Правда.

Лена посмотрела с сомнением, но спорить не стала.

- Пошли в библиотеку? У меня окно, и у тебя, наверное, тоже.

Я кивнула. Мы пошли по коридору, и я чувствовала спиной взгляды. Они жгли, как лазеры.

- Не обращай внимания, - тихо сказала Лена. - Они всегда так. Им лишь бы позлословить. Через неделю найдут кого-то другого.

Я хотела ей верить.

В библиотеке было тихо. Мы сели на наш диван у окна, Лена налила чай в пластиковые стаканчики.

- Держись, - сказала она. - Если нужна будет помощь - обращайся. Я понимаю, каково это, когда все против тебя.

Я кивнула, чувствуя, как к горлу подступает ком. Тепло стаканчика грело ладони. Я смотрела на Лену - её простой свитер, дешёвые балетки, потёртый рюкзак - и впервые за последние дни почувствовала, что я не одна.

- Спасибо, - сказала я, и в этом коротком слове было больше, чем я могла выразить.

После лекции по истории журналистики я вышла в коридор, намереваясь сразу идти к гардеробу. Но у выхода из аудитории меня перехватил Кирилл.

Он стоял, прислонившись плечом к стене, с ленивой улыбкой на лице. В дорогом пиджаке, с часами на запястье, которые стоили больше моей стипендии за год.

- Майя, да?

Я попыталась обойти его, но он ловко преградил путь.

- Я Кирилл, - представился он, не двигаясь с места. - Друг Дениса.

- Я знаю. Отойди.

- Не спеши, - он шагнул ближе, и я почувствовала запах дорогого парфюма, под которым чувствовался резкий мужской пот. - Денис сказал, ты ищешь внимания. Я могу составить компанию.

У меня внутри всё похолодело. Я вспомнила его взгляд в холле - равнодушный, пустой. Он не просто отдал меня на растерзание, он назначил цену.

- Отойди, - повторила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Обижаешь, - он протянул руку, намереваясь коснуться моего плеча. Я отшатнулась, вжалась спиной в стену.

- Не трогай меня.

- Какая недотрога, - усмехнулся он. - А на вечеринке, говорят, ты сама к Денису лезла.

Он хотел унижить. Так же, как Денис. Я смотрела в его наглые, уверенные глаза и чувствовала, как внутри закипает злость.

- Я сказала: отойди, - произнесла я, и в моём голосе появилась сталь, которой я сама от себя не ожидала.

Он на секунду опешил, потом ухмыльнулся, но сделал шаг назад.

- Ладно, ладно. Но Денис не вечно будет тебя прикрывать. Учти.

Он развернулся и ушёл, оставив меня стоять у стены. Я выдохнула, чувствуя, как дрожат колени.

В гардеробе меня ждала Лика.

Она стояла у выхода с моим пальто в руках - тем самым, которое Виктор купил мне перед отъездом. Её подруги столпились за спиной, улыбаясь. Лика была красивой - высокой, стройной, с длинными светлыми волосами и идеальным макияжем. Она выглядела так, будто сошла с обложки журнала. И смотрела на меня так, будто я была насекомым.

- Потеряла? - спросила Лика, поигрывая вешалкой.

- Отдайте, - сказала я, подходя.

- Отдадим, конечно, - она кивнула подругам. - Только сначала ответь на вопрос. Говорят, ты на вечеринке к Денису приставала. Это правда?

- Не твоё дело.

- Ошибаешься, - она шагнула ко мне, и я почувствовала её запах - дорогие духи, цветочные, сладкие. - Денис - мой парень. А ты... ты никто. Приживалка. Нищенка, которую привели в наш дом обслуживать мою будущую семью.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

- Отдай пальто.

- Зачем оно тебе? - она усмехнулась. - Всё равно оно не твоё. Виктор купил. Как и всё, что на тебе.

Она разжала пальцы, и пальто упало на грязный кафельный пол. Подруги засмеялись.

- Подними, - сказала Лика, глядя мне в глаза. - Ты же привыкла.

Я смотрела на пальто, валяющееся на полу. На его идеальную ткань, на подкладку, которую мама выбирала в магазине, думая, что её дочь наконец будет выглядеть как все.

Я медленно наклонилась, подняла пальто, отряхнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.